

Можно ли считать волевой акт псевдопонятием?*

Д.Н. Разеев

В статье реконструируется критика понятия волевого акта, изложенная в середине XX в. философом Гилбертом Райлом в его программном сочинении «Понятие сознания». В ходе статьи последовательно анализируются четыре аргумента против существования волевых актов, которые были выдвинуты английским философом (они обозначаются автором статьи как лингвистический аргумент, практический аргумент, антиномический аргумент и аргумент бесконечного регресса). Автор статьи приходит к выводу, что попытку Райла продемонстрировать псевдонаучность понятия волевого акта нельзя признать убедительной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: волевой акт, воление, психофизическая проблема, картезианский дуализм.

РАЗЕЕВ Данил Николаевич – Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии науки и техники.

d.razeev@gmail.com

Статья поступила в редакцию 27 октября 2018 г.

Цитирование: *Разеев Д.Н.* Можно ли считать волевой акт псевдопонятием? // *Вопросы философии. 2019. № 2. С. 185–193.*

В середине XX в. Гилберт Райл подверг обстоятельной критике концепцию волевых актов, прижившуюся к тому времени в философии. «Миф о волевых актах» он считал одним из краеугольных камней, поддерживающих концептуальный каркас психофизической доктрины картезианского типа. Согласно этой доктрине ментальные процессы осуществляются в сознании, не зависят от процессов физических, но при этом каким-то образом оказывают влияние на последние. Несмотря на то, что доводы Райла против картезианской доктрины не раз становились объектом обстоятельного изучения [Addis 1965; Addis 2003; Addis 2009; Aldrich, Kolenda 1972; Conkling 1977; Dolby 2014; Goldwater 2018; Lyons 1980; Meyer, Ryle 1993; Tanney 2008; Никоненко 2007; Шрамко 2010], а обоснованное им эпистемологическое различие между «знанием-как» и «знанием-что» активно обсуждается специалистами вплоть до настоящего времени [Jung, Newen 2010; Kremer 2017; Löwenstein 2011; Sax 2010; Small 2017; Tanney 2107], следует отметить, что критика волевых актов, высказанная английским философом, не привлекала особого внимания исследователей его творчества. Между тем в первой части своей книги «Понятие сознания» Райл выдвинул несколько серьезных возражений против вышеупомянутой концепции волевых актов и пришел к выводу, что она покоится на псевдопонятии, которому в действительности ничего не соответствует. Я предлагаю внимательно реконструировать его аргументацию и ответить на вопрос о том, насколько выдвинутые им возражения против использования термина «волевой акт» можно считать релевантными в наши дни.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00222).

© Разеев Д.Н., 2019 г.

1. Термин «волевой акт»

Для начала требуется прояснить, что именно Райл понимал под «волевым актом» (act of will), или «волением» (volition). Согласно Райлу, эти термины производны от понятия воли, которое в лексиконе новоевропейской философии обозначало одну из трех основополагающих способностей души (наряду с мышлением и чувственностью). Более конкретно под волей понималась способность души доводить некоторые из наших мыслей до действий, то есть переводить ментальные содержания в содержания фактические. Эти переводы, то есть непосредственные процессы превращений ментальных содержаний в фактические, были названы волевыми актами (или волениями). Райл приводит следующее определение волевым актам: «Волевые акты определяются как особые действия или операции “в сознании”, посредством которых сознание получает свои идеи претворенными в события» [Райл 2000, 71; Ryle 1949, 63]. Иными словами, воля — это как бы исполнительная инстанция сознания, функция которой заключается в фактическом приведении в действие отдельных содержаний мышления. Волевые акты (или воления) суть непосредственные действия по приведению в исполнение содержаний мышления. Если воспользоваться каким-нибудь примером, то картезианская модель волевых актов, по Райлу, выглядит приблизительно следующим образом. Допустим, я хочу поднять свою правую руку. Об этом в моем сознании имеется соответствующее мыслительное содержание. Вместе с тем для реализации данного содержания самой способности мышления оказывается недостаточно. Для этого требуется обращение к исполнительной инстанции души, то есть к воле. Последняя реализует имеющееся в сознании мыслительное содержание в форме волевого акта (или их серии). Получается, что волевой акт — это исполнительный посредник, приводящий в движение тело как физический механизм в соответствии с тем содержанием, которое прежде задается ему мышлением.

Райл полагал, что вышеуказанная концепция волевых актов выступает прямым и неизбежным следствием понимания сознания как духа в машине. Он пишет об этом следующим образом: «Таким образом, язык “волевых актов” есть язык пара-механической теории сознания» [Райл 2000, 73; Ryle 1949, 64]. Против такой парамеханической концепции волевых актов философ выдвигает несколько возражений. Рассмотрим эти возражения детально.

2. Лингвистический аргумент

Первое возражение Райла связано с тем, что понятие «волевой акт» («воление») не выполняет той концептуальной функции, которая на него была возложена. О какой же концептуальной функции идет речь? С точки зрения Райла, понятие волевого акта — это специальный технический термин, введенный в научный оборот с целью объяснения поведения человека. Проблема, которую усматривает здесь Райл, заключается в том, что фактически волевые акты не используются нами при объяснении поведения человека. Иными словами, несмотря на то, что в философии была создана специализированная концепция волевых актов, претендующая на объяснение механизма того, как именно приводится в движение наше тело и инициируется то, что называется «действием», в нашей повседневной практике мы так и не используем «волевые акты» для описания собственных действий.

Первое возражение Райла можно назвать лингвистическим аргументом. Формально его можно представить в виде следующего умозаключения: 1. Парамеханическая доктрина сознания (официальная доктрина сознания) разработала термин «волевой акт» для описания человеческого поведения. 2. Поведение человека не поддается описанию с помощью волевых актов. 3. Следовательно, термин «волевой акт» не выполнил возложенную на него функцию.

С первой посылкой умозаключения можно отчасти согласиться, встав на позицию Райла. Райл утверждает, что «волевой акт» — это термин, который не используется нами в повседневной жизни и был специально введен в научный оборот теоретиками-философами с определенной целью. Далее можно допустить, следуя за Райлом, что

цель теоретиков-философов состояла в том, чтобы с помощью искусственно созданного термина объяснять/предсказывать человеческое поведение. Однако исчерпывается ли исключительно этим цель создания данного термина? К сожалению, Райл не приводит убедительных доводов в пользу своего предположения. Со второй посылкой умозаключения ситуация несколько сложнее. С одной стороны, можно согласиться с тем, что мы не используем в повседневной речи термин «волевой акт», описывая свои действия. Мы, действительно, не используем в нашем повседневном лексиконе фразы, подобные тем, которые приводит в качестве примера Райл: «...он совершил пять быстрых и легких волевых актов и два медленных и трудных между полуднем и ланчем» [Райл 2000, 72; Ryle 1949, 64]. Вместе с тем, с другой стороны, в повседневной жизни мы используем ряд других понятий, коррелирующих с термином «волевой акт». Мы можем, к примеру, запросто сказать: «Утром я хотел пойти в спортзал, но не сделал этого, продемонстрировав свое слабоволие. Не смог заставить себя сделать это». По сути дела, мы имеем в виду волевой акт в том смысле, который критикует Райл. Помимо этого в этом же самом смысле мы часто используем такие слова (и связанные с ними выражения), как «попытка», «стремление», «усилие», «хотение», «желание» и так далее. Что нам мешает предположить, что «волевой акт» выступает своего рода «зонтичным» термином, который охватывает собой целый комплекс повседневных слов и выражений, которые мы используем для обозначения того, что парамеханическая доктрина сознания концептуально ухватила этим специальным термином? Соответственно, со второй посылкой умозаключения Райла нельзя согласиться.

Далее рассмотрим то, на каком основании Райл утверждает, что поведение человека не поддается описанию с помощью волевых актов. Райл предлагает читателю аргументацию на этот счет, однако она выглядит достаточно слабой. Он утверждает, что для описания поведения человека в терминах волевых актов требуется умение описывать сами волевые акты. Однако подходящих примеров описания волевых актов, по утверждению Райла, нельзя встретить ни в художественных, ни даже в юридических текстах.

Давайте проследим более внимательно, как именно Райл отрицает возможность описания волевых актов. Сначала он заявляет следующее: «Писатели описывают действия и реплики, жесты и гримасы, грезы и размышления, сомнения и замешательства своих героев, но они никогда не упоминают об их волевых актах. Они не знают, что можно сказать о них» [Райл 2000, 72; Ryle 1949, 64]. А затем, как справедливо замечает Дж. Синкс [Sinks 1971, 105], предлагает само «доказательство» невозможности описать волевые акты, сформулированное в виде целой серии вопросов, на которые, как он полагает, невозможно найти ответа: «Какого рода предикатами их следует описывать? Могут ли они быть внезапными или постепенными, сильными или слабыми, трудными или легкими, приятными или неприятными? Могут ли они быть ускоренными или замедленными, прерванными или отложенными на время? Могут ли люди быть умелыми или неумелыми в своих волевых актах? Можем ли мы брать уроки по их выполнению? Они утомительные или развлекающие? Могу ли я одновременно совершить два или семь из них? Могу ли я запомнить, как их выполнять? Могу ли я исполнять их во время размышления о других вещах или во время сна? Могут ли они стать привычными? Могу ли я забыть, как их производить? Могу ли я ошибочно считать, что выполнил один такой волевой акт, в то время как я не исполнил его, или, наоборот, что я не совершил волевого акта, в то время как на самом деле я выполнил его? В какой момент мальчик, прыгнувший с вышки, совершил волевой акт? Когда он поставил ногу на лестницу? Когда он первый раз глубоко вздохнул? Когда он сосчитал: “Один, два, три — пошел”, но остался на месте? Или в самый последний момент перед тем, как прыгнуть? Каков был бы его собственный ответ на эти вопросы?» [Райл 2000, 72; Ryle 1949, 64–65].

Можно ли считать такую аргументацию Райла убедительной? Ни в коем случае. Если согласиться с предложенной им линией аргументации, то ее придется применить и к множеству других терминов и концептов, которые не поддаются описанию словами повседневного языка: магнитное поле, синапс, сингулярность и так далее. Вместе с тем

из невозможности описания таких терминов повседневным языком вовсе не вытекает то, что они являются псевдопонятиями. Кроме того, следует заметить, что в современной литературе встречаются художественные произведения, в которых используются термины «волевой акт» или «воление» (см., например *Volition* by L. Paradis). Вместе с тем я не берусь рассуждать здесь о том, насколько удачно в современных произведениях авторов дается художественное описание волевых актов.

3. Практический аргумент

Второе возражение Райла связано с его серьезными сомнениями в том, что использование термина «волевой акт» оказывается полезным в решении практических вопросов, связанных с тем, заслуживает ли то или иное действие человека одобрения или порицания. Дело в том, что официальная, или парамеханическая, доктрина сознания предполагает, что волевые акты переживаются нами исключительно с субъективной точки зрения (из перспективы первого лица) и об их наличии невозможно судить с объективной точки зрения (из перспективы третьего лица). Даже если кто-то утверждает, рассуждает Райл, что совершенному действию (поступку) предшествовал волевой акт, из перспективы третьего лица у нас нет возможности в этом удостовериться. Райл считает, что у нас нет объективных оснований для утверждения о том, что произвольные действия (действия человека, совершенные по своей воле), обусловлены волевыми актами. Такое утверждение, по всей видимости, выступает подвидом категориальной ошибки, заключающейся в ложной субстантивации произвольных действий. Соответственно, утверждения о наличии у других волевых актов, предшествующих их действиям, оказываются лишь нашими догадками, которые мы выстраиваем по аналогии, и не помогают нам определить, заслуживает ли то или иное действие человека одобрения или порицания.

Данное возражение Райла можно назвать практическим аргументом. Если реконструировать второе возражение в виде формального умозаключения, то оно может выглядеть следующим образом: 1. Парамеханическая доктрина сознания (официальная доктрина сознания) утверждает, что волевые акты не поддаются фиксации с объективной точки зрения (они переживаются исключительно из перспективы первого лица). 2. Для того чтобы определить, заслуживает ли то или иное действие человека одобрения или порицания, необходимо знать, совершил ли он его по своей воле. 3. С помощью волевых актов невозможно объективно определить, заслуживает ли действие человека одобрения или порицания. 4. Следовательно, волевые акты не имеют значимости в практическом отношении.

С первой посылкой умозаключения можно согласиться при том условии, что в ней речь идет исключительно об официальной доктрине, причем в том виде, как ее понимает Райл. Как было отмечено выше, Райл исходит из того, что волевой акт совершается «в сознании» или, лучше сказать, совершается сознанием. Если следовать за картезианским дуализмом, то волевой акт, действительно, переживается непосредственным образом из перспективы первого лица. Однако важно иметь в виду, что данная посылка не может быть генерализирована, то есть ее нельзя трактовать таким образом, что волевые акты в принципе не поддаются фиксации из перспективы третьего лица. Объяснительной силы этой посылки недостаточно для такой генерализации; она была бы возможна только при условии усиления посылки набором дополнительных аргументов (основанных, скажем, на результатах проведенных эмпирических исследований).

Вторая и третья посылки умозаключения вызывают серьезные вопросы в части аргументации, предложенной Райлом (более конкретно — недостатка в предложенной им аргументации). С одной стороны, действительно, при определении юридической и моральной ответственности субъекта за совершенные им действия понятие воли, несомненно, играет важнейшую роль. С другой стороны, четко определить роль волевой составляющей в действиях субъекта не представляется возможным. Дело в том, что связь между произвольно совершенным действием и ответственностью за него (моральной

и/или юридической оценкой поведения субъекта) нельзя полагать логически необходимой (она возникает в силу фактических обстоятельств). Здесь следует также заметить, что в ряде случаев ответственность возникает и за произвольные действия, а ответственности за некоторые произвольные действия субъект, напротив, может избежать. Иными словами, с одной стороны, есть поступки, за которые агент несет ответственность безотносительно к тому, совершались ли они по его воле или вопреки ей, а с другой, есть поступки, за которые субъект не несет ответственности, даже если они были совершены по его собственной воле. Примером первого типа агента ответственности может послужить инспектор пожарной безопасности, который несет ответственность за соблюдение норм пожарной безопасности на вверенной ему территории вне зависимости от того, совпадает ли это с его волей или нет. В качестве второго типа агента ответственности можно привести реальный случай из юридической практики, на первый взгляд совершенно не согласующийся с нашими интуициями об ответственности за поступки, совершенные по своей воле (см. [Pundik 2018]). В 1963–1965 гг. во Франкфуртена-Майне (Германия) состоялся один из крупнейших судебных процессов над нацистскими преступниками. Одним из находящихся на скамье подсудимых был поляк Эмиль Беднарек. Попав в Освенцим в июле 1940 г. как политический узник, спустя всего несколько месяцев того же года он вступил в ряды СС и стал выполнять в лагере функции старшего по блоку. В ходе процесса была установлена личная вина Беднарека в смерти 11 человек, а также его участие в 109 казнях. На основании свидетельских показаний и заключений экспертов суд пришел в выводу, что Беднарек испытывал удовольствие от самого процесса убийства. Несмотря на то, что Беднарек был приговорен судом к пожизненному заключению, приговор касался лишь убийства 11 человек, когда он убивал узников лагеря по собственной воле, а не по приказу начальства. По мнению суда, в остальных 109 казнях, несмотря на то, что и в этих случаях его действия были произвольными, он тем не менее действовал по приказу начальства, а не исключительно по собственной воле. Таким образом, суд освободил от ответственности Беднарека по тем эпизодам, где его действия по собственной воле совпадали с волей вышестоящих офицеров лагеря. (Замечу, что Эмиль Беднарек был освобожден по амнистии в 1975 г., дожив на свободе до 94 лет.) Этот случай может послужить примером не только того, что не всегда поступки, совершенные по собственной воле, предполагают ответственность лица, их совершившего, но и того, что юридическая и моральная практики привлечения к ответственности серьезно расходятся в вопросах свободы воли субъекта (что, несомненно, заслуживает отдельного исследования).

Таким образом, вторую посылку умозаключения нельзя признать полностью корректной. Связь между действием, совершенным по своей воле, и ответственностью за него следует считать не логически необходимой, а лишь практически необходимой. (Логически необходимой является связь между осознанным действием и ответственностью за него.) В силу этого от термина «волевой акт» нельзя требовать объективной значимости (о чем идет речь в третьей посылке). Следовательно, даже если вывод, который делает Райл, верен, для его доказательства требуются иные посылки, нежели приведенные в его практическом аргументе.

4. Антиномический аргумент

Третье возражение Райла, на первый взгляд, выглядит довольно запутанным. Райл обращает наше внимание на то обстоятельство, что парамеханическая доктрина сознания утверждает связь между волевыми актами и движениями тела (полагая ее чем-то мистическим). Вместе с тем, если ментальные процессы сознания и физические процессы тела представляют собой процессы, не зависящие друг от друга, то как такая связь возможна? Райл хочет сказать, что утверждение о наличии связи между волевыми актами и движениями тела подрывает фундаментальный постулат картезианской дуалистической доктрины — постулат о независимости сознания от тела.

Данное возражение Райла можно назвать антиномическим аргументом. Представить третье возражение в более формализованном виде можно следующим образом:

1. Согласно парамеханической доктрине сознания ментальные события образуют один уровень существования, в то время как физические события – другой уровень существования. 2. Если волевые акты оказывают влияние на движения нашего тела, то этому должно быть найдено каузальное объяснение. 3. Каузально объяснить влияние волевых актов на движения нашего тела не представляется возможным. 4. Связь между волевыми актами и движениями тела остается считать чем-то мистическим, что ведет к антиномиям официальной доктрины.

Первая посылка не вызывает сомнений. Картезианская доктрина, действительно, покоится на дуализме субстанций – физической и ментальной – которые не зависят друг от друга. Со второй посылкой умозаключения также можно согласиться. Если какая-либо теория постулирует влияние волевых актов на движения тела, то будет оправданным предположить, что это влияние происходит в форме определенного процесса, имеющего место в физической реальности, механизм работы которого потенциально может быть раскрыт. Что вызывает вопросы, так это третья посылка умозаключения. Райл исходит из того, что третья посылка умозаключения верна в силу верности первой посылки. Поскольку волевые акты относятся к ментальным событиям, а движения тела – к процессам физическим, то каузально объяснить механизм влияния первых на последние не представляется возможным (в противном случае пришлось бы признать ментальные события физическими). Однако Райл в своих рассуждениях не учитывает одного существенного обстоятельства, на которое в свое время обратил внимание Г. Файгл в знаменитой статье 1958 г. «“Ментальное” и “физическое”» [Feigl 1958]. Файгл продемонстрировал, что так называемую психофизическую проблему можно представить в виде конфликта или теоретического столкновения в концептуальном аппарате науки двух разных языков описаний для одних и тех же процессов: с одной стороны, их описание в терминах ментальных процессов, а с другой, в терминах процессов физических. Иными словами, на физиологическом уровне возможно установить и проследить каузальную связь процессов типа А, которые происходят в нашем мозге, с процессами типа Б, которые происходят в наших мышцах. (Замечу здесь, что в современной науке есть ряд теорий, которые пытаются проследить именно данную взаимосвязь, вводя в научный оборот концепты нисходящих и восходящих психофизических взаимодействий (см., например, [Иваницкий 2017].) Вместе с тем, если воспользоваться подсказкой Файгла, описание этих же самых процессов вполне допустимо произвести и на другом концептуальном языке, называя процессы типа А – волевыми актами, а процессы типа Б – произвольными движениями тела. Таким образом, третья посылка умозаключения нельзя считать убедительной, а следовательно, вывод, который делает Райл, не может считаться верным.

5. Аргумент бесконечного регресса

Четвертое (и последнее) возражение, выдвигаемое Райлом, заключается в следующем: несмотря на то, что волевые акты потребовались парамеханической доктрине сознания для объяснения возникновения произвольных телесных движений, иногда они используются и для объяснения других ментальных актов. Иными словами, официальная доктрина допускает, что актами воли могут быть запущены не только телесные движения, но и другие ментальные процессы. Здесь, по мнению Райла, концепция волевых актов сталкивается с проблемой бесконечного регресса, поскольку не будет логического противоречия в предположении о произвольности самих волевых актов.

Данное возражение Райла можно назвать аргументом бесконечного регресса. Формально его можно представить следующим образом: 1. Волевые акты были введены парамеханической доктриной сознания для объяснения произвольных телесных движений. 2. Произвольными могут быть не только движения тела, но и ментальные процессы, в том числе сами волевые акты. 3. Следовательно, для реализации волевых актов требуются дополнительные волевые акты, что ведет к бесконечному регрессу.

С первой посылкой данного умозаключения можно согласиться. Вполне можно допустить, что термин «волевой акт» был задуман философами-теоретиками для объяснения того, как возникают произвольные телесные движения. Вместе с тем здесь требуется сделать одну оговорку. Даже если определенное понятие было введено в научный оборот с одной с целью, это не исключает того, что впоследствии оно может принести пользу науке, будучи примененным с другой целью. Иными словами, даже если официальная доктрина ввела в научный оборот понятие волевого акта с целью объяснения произвольных телесных движений, ограничивать его объяснительный потенциал одной лишь этой целью было бы неверно.

Вторая посылка умозаключения корректна лишь отчасти. Если следовать официальной доктрине о сознании (в изложении Райла), то волевые акты суть специальные акты, превращающие ментальные процессы в движения тела. Утверждение о том, что некоторые ментальные процессы могут осуществляться произвольно, означает лишь то, что для их непосредственного воплощения требуются волевые акты. Райл же идет на более радикальный шаг (руководствуясь платоновским аргументом бесконечного регресса идей, как справедливо заметил Р. Гупта [Gupta 1976, 59]). Он утверждает, что предложенная официальной доктриной модель подразумевает, что волевые акты требуют для своей реализации других волевых актов. Данное утверждение может быть сделано в том случае, если признать волевые акты подвидом актов ментальных. Официальная картезианская модель, которую критикует Райл, так и считает, полагая волевые акты модусом мышления, или сознания (см., например, [Декарт 1989, 327]). Вместе с тем следует иметь в виду, что заключение Райла распространяется лишь на такие модели волевых актов, которые (вслед за картезианской доктриной) считают последние подвидами мышления.

6. Заключение

Вывод, который можно сделать на основании осуществленной реконструкции аргументов Райла, заключается в том, что предложенная им критика волевых актов имеет весьма ограниченную область применения, а именно: все его возражения ограничены исключительно дуалистической моделью картезианского типа. Аргументы Райла против использования термина «волевой акт» не могут быть автоматически применены к другим моделям сознания (в том числе дуалистическим моделям сознания некартезианского толка). Для этого требуется существенное изменение, усложнение и дополнение аргументации, предложенной английским философом. Таким образом, из осуществленного Райлом концептуального анализа понятия «волевой акт» нельзя сделать вывод о том, что оно является одним из «курьезов теоретизирования» [Райл 2000, 70; Ryle 1949, 62].

Источники и переводы — Primary Sources and Translations

Декарт 1989 — *Декарт Р.* Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989 (Descartes, René *Principia Philosophiae*. Russian translation).

Райл 2000 — *Райл Г.* Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 2000 (Ryle, Gilbert *The Concept of Mind*. Russian translation).

Ryle, Gilbert (1949) *The Concept of Mind*, Hutchinson, London.

Ссылки — References in Russian

Иваницкий 2017 — *Иваницкий А.М.* Нисходящие влияния от психического уровня на физиологический могут быть основой свободы воли // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2017. 6 (67). С. 728–729.

Никоненко 2007 — *Никоненко С.В.* Анализ лингвистических диспозиций Г. Райла // Никоненко С. В. Аналитическая философия: Основные концепции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 209–222.

Шрамко 2010 — *Шрамко Я.В.* Гилберт Райл и методология философского исследования // Эпистемология и философия науки. 2010. 3 (25). С. 186–189.

Can Volition Be Considered a Pseudo-Concept?*

Danil N. Razeev

The article deals with the criticism of the concept of volition developed by British philosopher Gilbert Ryle in the middle of the XX century in his famous book «The Concept of Mind». The author of the article considers four arguments presented by Ryle (they are called as linguistic argument, practical argument, antinomical argument, argument from regress) and concludes that Ryle has failed his attempt to demonstrate that volition is a pseudo-concept.

KEY WORDS: act of will, volition, mind-body problem, Cartesian dualism.

RAZEEV Danil N. – Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy.
DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science and Technology
d.razeev@gmail.com

Received at October, 27 2018.

Citation: Razeev, Danil N. (2019) 'Can Volition Be Considered a Pseudo-Concept?', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 185–193.

DOI: 10.31857/S004287440003884-7

References

- Addis, Laird (2003) 'Gilbert Ryle, The Concept of Mind (1949): A method and a theory', Gracia J.E., Reichberg G.M., Schumacher B.N., eds., *The Classics of Western Philosophy: A Reader's Guide*, Blackwell Publishing, pp. 540–545.
- Addis, Laird (2009) 'Ryle and Intentionality', *Metaphysica*, Vol. 10, № 1, pp. 49–63.
- Addis, Laird, Lewis, Douglas (1965) *Moore and Ryle: Two Ontologists*, University of Iowa Press, Martinus Nijhoff Press, The Hague.
- Aldrich, Virgil C., Kolenda, Konstantin, eds. (1972) *Studies in Philosophy: A Symposium on Gilbert Ryle*, William Marsh Rice University Press, Houston.
- Conkling, Mark L. (1977) 'Ryle's mistake about consciousness', *Philosophy Today*, Vol. 21, № 4, pp. 376–388.
- Dolby, David, ed. (2014) *Ryle on Mind and Language. Philosophers in Depth*, Palgrave Macmillan, London.
- Feigl, Herbert (1958) 'The "Mental" and the "Physical"', *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, Vol. 2, pp. 370–497.
- Goldwater, Jonah (2018) 'Ryle, the Double Counting Problem, and the Logical Form of Category Mistakes', *Journal of the History of Philosophy*, Vol. 56, № 2, pp. 337–359.
- Gupta, Raj K. (1976) 'Ryle on Will', *Indian Philosophical Quarterly*, Vol. 4, № 1, pp. 59–62.
- Ivanitsky, Alexey M. (2017) 'The Descending Influences from Mental to Physiological Level as a Possible Base for Free Will Mechanism', *Zhurnal Vysshei Nervnoi Deyatelnosti Imeni I.P. Pavlova*, Vol. 67, pp. 728–729 (In Russian).
- Jung, Eva-Maria, Newen, Albert (2010) 'Knowledge and abilities: The need for a new understanding of knowing-how', *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, Vol. 9, № 1, pp. 113–131.
- Kremer, Michael (2017) 'Ryle's 'Intellectualist Legend' in Historical Context', *Journal for the History of Analytical Philosophy*, Vol. 5, № 5, pp. 17–39.
- Löwenstein, David (2011) 'Knowledge-how, Linguistic Intellectualism, and Ryle's Return', *Conceptions of Knowledge*, Tolksdorf, Stefan, ed., De Gruyter, pp. 269–304.
- Lyons, William E. (1980) *Gilbert Ryle: An Introduction To His Philosophy*, Harvester Press, Sussex.
- Meyer, Rene, Ryle Gilbert (1993) *Aspects of Mind*, Cambridge, Blackwell Publishing.

* The study was funded by RSF according to the research project № 18-18-00222.

- Nikonenko, Sergey (2007) 'Analysis of Ryle's linguistic dispositions', Nikonenko S.V., *Analytic Philosophy: basic concepts*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, pp. 209–222 (in Russian).
- Pundik, Amit (2018) 'Coercion and Volition in Law and Philosophy', *Canadian Journal of Law and Jurisprudence*, Vol. 31, № 1, pp. 107–123.
- Sax, Greg (2010) 'Having know-how: Intellect, action, and recent work on Ryle's distinction between knowledge-how and knowledge-that', *Pacific Philosophical Quarterly*, Vol. 91, № 4, pp. 507–530.
- Shramko, Yaroslav (2010) 'Gilbert Ryle and methodology of philosophical investigation', *Epistemology and Philosophy of Science*, Vol. 15, № 3 (2010), pp. 186–189 (in Russian).
- Sinks, John D. (1971) 'On Ryle On Volitions', *The Southwestern Journal of Philosophy*, Vol. 2, № 3, pp. 103–112.
- Small, Will (2017) 'Ryle on the Explanatory Role of Knowledge How', *Journal for the History of Analytical Philosophy*, Vol. 5, № 5, pp. 57–76.
- Tanney, Julia (2008) 'Gilbert Ryle', *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Zalta E.N., ed., <https://plato.stanford.edu/entries/ryle/>.
- Tanney, Julia (2017) 'Volume Introduction: Gilbert Ryle on Propositions, Propositional Attitudes, and Theoretical Knowledge', *Journal for the History of Analytical Philosophy*, Vol. 5, № 5, pp. 1–15.